

Е. Н. Лисанюк

ТЕОРИЯ СУППОЗИЦИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Средневековая теория свойств терминов, или теория суппозиции, — это концепция анализа референциального значения терминов на основе контекста высказывания. Средневековая теория свойств терминов, по существу, выступает как вариант теории языка, поэтому опыт анализа соотношения естественного языка и знака, предпринятый средневековыми философами, оказывается весьма интересным в свете последних достижений современной философии языка, логического анализа естественного языка, а также структурной лингвистики и др. Теория терминов затрагивает особенности методики формализации естественного языка в средневековой логике, а также принципы связи семантики слов с контекстом и такую особенность средневековой логики как конструирование логической теории на основе естественного языка и специфической методике приспособления этого естественного языка (латыни) для формулирования правил и постулатов логики.

Изложения теорий свойств терминов, принадлежащих различным авторам, за последние два десятилетия перестали быть редкостью в современных исследованиях, однако несмотря на значительное количество работ по терминистской логике историко-филологического плана, рассмотрение этих теорий с философской и логической точек зрения по-прежнему недостаточно или отсутствует вовсе. Поэтому *насуущной потребностью в изучении средневековой логики на современном этапе является уже не просто реконструкция существовавших теорий сама по себе, но их тщательный анализ, причем не только на предмет выявления сути основных постулируемых в них положений, но и в исторической перспективе, то есть проведение параллелей между различными стадиями в развитии данной концепции.*

Средневековые ученые считали, что большинство слов, обладающих самостоятельным смысловым значением, представляют собой общие термины, за исключением тех, что являются единичными, например, «Сократ» или «этот человек». Особенность общего термина — указывать на каждый предмет в отдельности или несколько вместе взятых предметов из области своего референциального значения. Референциальное значение термина — это тот конкретный предмет, на который указывает данный общий термин в данном высказывании; область референциального значения — совокупность всех таких предметов, потенциально могущих быть обозначенными данным термином в том или ином высказывании. Так, под

термином «человек» в высказывании может подразумеваться Сократ, Платон, или вон тот человек; «объединяет» же всех этих людей *под* данным общим термином¹ то, что любой из них определяется как «*разумное смертное животное*», то есть обладает необходимым набором признаков и неотъемлемых качеств, позволяющих расценивать его как человека. Иными словами, при относительно постоянном смысловом значении общего термина его референциальное значение может изменяться.

Суппозиция (suppositio) — это свойство общего термина² указывать на конкретную часть своего референциального значения в высказывании, причем тип суппозиции говорит о том, на какую именно. В зависимости от смыслового значения или суппозиции предиката, наличия кванторов, модальных операторов, времени глагола-связки — термин может обладать рядом других свойств, соответствующим образом характеризующих область его референциального значения.

Именованье (appellatio) — (1) на начальном (вторая половина XII века) этапе развития теории — указание на референциальное значение общего термина в отличие от смыслового, то есть то же, что и суппозиция; (2) указание на те предметы из области референциального значения термина, которые существуют в настоящем времени, суппозиция термина в связи с глаголом-связкой настоящего времени.

Ограничение (restrictio) — сужение области референциального значения общего термина посредством глагола-связки или модального оператора; например, в высказывании «*Сократ есть человек*» термин «*Сократ*» ограничен, потому что глагол-связка настоящего времени позволяет ему суппонировать только тот референт, что существует в настоящем, а не тот, что существовал в прошлом, будет существовать, или может существовать.

Расширение (ampliatio) — увеличение области референциального значения общего термина в связи с глаголом-связкой прошедшего или будущего времени, а также модальным оператором. Например, в высказывании «*Это белое будет черным*» термин «*белое*» суппонирует не то, что сейчас, в момент говорения, является черным, но то, что будет черным в будущем.

Главным коррелятом референциального значения общего термина является его смысловое значение, то есть то относительно постоянное его значение, через которое производится сама операция идентификации конкретного референциального значения.

Обозначение (significatio) — это относительно постоянное смысловое значение общего термина, чаще всего его реальное определение, через род и видовое отличие; под обозначением большинство средневековых ученых понимало как само это определение, то есть смысл слова, так и процедуру обозначения, то есть установления соответствующей зависимости между данным словом как знаком и его смыслом, реальным определением. Некоторые слова, согласно средневековым представлениям, имеют не реальное,

но только номинальное определение (их может быть несколько, в отличие от реального, которое строго одно) — такие, как, например, «белизна», «доброта» и т.п. Номинальное определение отличается от реального тем, что последнее всегда является определением реальной вещи, тогда как первое — чаще всего есть определение самого имени (*nomina*).

В основании всей теории свойств терминов лежит дистинкция между обозначением как смысловым значением слова и его суппозицией (а также совокупностью сопутствующих ей свойств) как референциальным значением.

Большинство средневековых ученых вне зависимости от их позиции по поводу онтологического статуса универсалий полагали, что слово — это знак в силу его *первичного нарицания* (*prima impositio*), то есть особого рода связи между вещью словом, имеющей библейские основания. Значительная часть слов выступает в роли знаков не только вследствие их первичного нарицания, но и через *вторичное нарицание* (*secunda impositio*) — коннотирующее значение (*consignificatio*). Например, слово «белый» первоначально обозначает нечто белое как обладающее свойством «белизна», значит, оно может обозначать не только белое в качестве термина первичного нарицания, но и само свойство быть белым — как термин вторичного нарицания.

Единого мнения о том, что обозначает данный термин как термин вторичного нарицания, не было — опять же по причине разногласий в связи с онтологическим статусом обозначаемых тем или иным способом вещей; вслед за Аристотелем многие средневековые философы полагали, что каждое слово обозначает вещь, поскольку является именем формы вещи. Однако форма вещи — это сугубо рациональная конструкция, чувственному же восприятию доступны вещи материальные, значит, имя формы вещи может обозначать как форму вещи, так и материальный предмет, обладающий этой формой. Далее, поскольку форма вещи — это есть ее определение, то есть характеризующая ее надлежащим образом совокупность родовидовых, собственных, а иногда и приводящих признаков, то имя прежде всего относится к этому определению, но в то же время оно может сказываться и об отдельных признаках данного предмета, причем не только составляющих его сущность, то есть роде, виде, собственном (видообразующем) признаке, но и приводящих. Например, «*сидящий*» может быть сказано о человеке, который сидит, о Сократе или Платоне, одновременно о них о всех можно сказать «*способный смеяться*», в то же время ни одно из этих слов само по себе не является определением; с другой стороны, каждое из этих слов указывает на действие или признак, присущие не только тем индивидам, которым в данном случае оно было приписано, но и каким-либо другим.

Кроме онтологических коллизий, связанных с этими особенностями нашего языка, магистры в Средние Века усмотрели здесь источник многочисленных двусмысленностей, вызванных способностью одного и того же слова обозначать одновременно вещи и явления, обладающие различным онтологическим и гносеологическим положением в средневековой системе координат: так, слово «человек» обозначает реальную субстанцию, Сократа или Платона, людей, существующих в настоящем, и тех, что существовали в прошлом или будут существовать, а также вид «человек», или концепт «человек» наряду с самим словом «человек» как именем или частью речи. Начало исследованию разного рода ошибок в рассуждениях (*fallaciae*) (далее — ОР) было положено Аристотелем. *Выявление различных ОР и есть главная цель и основная практическая функция теории свойств терминов.* В XII-XIV вв. теория суппозиций уже существовала представляла собой классификацию видов суппозиций. Главный вопрос, занимающий умы современных исследователей средневековой логики — каково место этой теории в средневековой философии, какие функции она была призвана выполнять по замыслу ученых, ее создавших, каким образом она может быть адекватно интерпретирована с позиций современной логики.

В процессе своего становления теория свойств терминов проходит три стадии: возникновение (вторая половина XII века), стагнация (XIII век), расцвет (XIV век), после чего, являясь относительно популярной в XV веке, она практически полностью исчезает во второй четверти XVI века. Начальная стадия на сегодняшний день представлена анонимными трактатами конца XII века-рубежа XII-XIII веков; период стагнации — сочинениями Уильяма Шервуда (1200/1210 — 1266/1272), Ламберта из Оксерра, Роджера Бэкона и Петра Испанского (1205/15 — 1277), рядом анонимных трактатов; наиболее яркими примерами теории суппозиции в стадии расцвета являются *Summa Logicae* Уильяма Оккама (ок.1285 — 1347/9), «Трактат о чистом искусстве логики» У.Бурлея (ок.1275 — 1344/5), а также «Малые Логикалии» Ж.Буридана; до нас также дошли сочинения многочисленных последователей и противников Оккама XV-XVI вв.

Теория свойств терминов возникает во второй половине XII века как попытка систематизировать и классифицировать возможные ОР, связанные с амбивалентностями естественного языка, с одной стороны, и вбирает в себя целый комплекс идей лингвистического и философского характера, с другой. На развитие этой теории оказали влияние логические сочинения Боэция, грамматические изыскания Присциана, грамматико-философские разработки Петра Хелиаса (ок.1140 жил в Париже), Пьера Абеляра (1079 — 1142), Ансельма Кентерберийского (ок.1033 — 1109), философско-теологические исследования Гильберта Порретанского (1076 — 1154) и др.

Summule Logicales Петра Испанского — один из самых популярных учебников по логике. Трактат Уильяма Шервуда *Introductiones in Logicam*

заслуживает внимания как образец английского терминистского трактата периода стагнации в развитии теории, в отличие от континентальной традиции (Парижской — в лице Петра Испанского), где имеет смысл говорить даже не о стагнации, но об упадке.

Оккам и отчасти Бурлей — наиболее яркие фигуры теории суппозиции периода расцвета. Первый — автор «возрождения» суппозиционного подхода, пребывавшего более столетия в забвении, практически полностью вытесненный модистскими теориями; второй — основной оппонент Оккама по логическим вопросам в рамках теории суппозиции, поскольку оккамистская конструкция зиждется на концептуализме, а Бурлей оперирует суппозициями с позиций реализма. Дальнейшее развитие теорий суппозиций, в целом, было предопределено теоретическими импульсами, исходящими из оккамовской позиции по этому вопросу. С другой стороны, новации в терминистской логике после Оккама в XV — XVI веках не столь значительны — по сравнению с оккамовскими, взятыми в отношении к предшествующей истории ее существования; кроме этого, те же новации, что обеспечили возрождение и расцвет теории суппозиции в руках Оккама, — послужили предпосылками ее упадка впоследствии.

К концу XII века положение о том, что общий термин может менять свою референцию (именование) в зависимости от действия на него различных факторов (контекста), было общеизвестным и большинство схоластов активно упражнялись в типологизациях такого рода факторов. Именование, или суппозиция, — в это время между ними еще не проводилось сколь-нибудь четких дистинкций — часто определялась как ограничение (*restrictio*) или расширение (*ampliatio*), исходя из того, относится ли глагол-связка (предикат) к настоящему, будущему либо прошедшему времени.

На ранней стадии центральным контекстуальным свойством термина, в отличие от внеконтекстуального обозначения, было именование. Само учение об именовании (прообразе суппозиции) еще не представляло из себя целостной теории, излагаемой в специально отведенном разделе.

Описание теории свойств терминов у разных авторов чаще всего представляло из себя классификацию типов суппозиций, обычно получаемую через деление, и формулирование специальных правил, касающихся конкретных — иногда спорных в той или иной мере — ее типов. Кроме этого, несколько позднее, на рубеже XII — XIII веков, большинство схоластов специальные разделы своих трактатов (параграфы или отдельные главы) посвящают определению комплекса свойств, тесно связанных, часто подчиненных суппозиции как основному понятию, — копуляции (*copulatio*), свойству имени прилагательного, местоимения и некоторых других слов влиять тип на суппозиции общего термина, расширению, ограничению, именованию.

В XIII веке обсуждение различных типов суппозиций становится традиционной темой. На рубеже XII и XIII веков теория суппозиции представляла собой часть элементарных логических знаний, с которой студенты знакомились в начале курса обучения. Согласно имеющимся свидетельствам³, теория свойств терминов входила в «практические занятия» бакалавриата в самом начале курса обучения и занимала сравнительно непродолжительное время.

Период стагнации в развитии теории суппозиции проявляется неодинаково: на основании анализа ряда манускриптов, относящихся к этому периоду, современные исследователи пришли к выводу, что между парижской и оксфордской традициями имеются определенные различия.⁴ Суть этой дивергенции развития состоит в том, что активные логико-грамматические исследования терминистского характера, появившись как на островах, так и на континенте в XII веке и пройдя кульминационную фазу своего развития повсеместно не позднее первой — второй четверти XIII века, начиная с середины этого же века переживают явный спад на континенте, уступая место модизму, в то время как на островах, по всей видимости, «суппозиционная» традиция XII века была сохранена, и стала источником и отправной точкой в развитии оккамовской логики.⁵

В общем виде теории оксфордских логиков сводились к тому, что тип суппозиции субъект- или предикат- термина определялся на основании конкретного контекста высказывания, различные виды суппозиции представлены как вариации особой однозначной суппозиции, которая, в свою очередь, определялась как «различия в смысловом употреблении имени, обозначаемое которым остается неизменным»⁶. Этот смысловой «дрейф» присущ терминам, задействованным в речи, а не самим по себе. В соответствии с временем высказывания — как актуальным временем говорения, так и воспроизводимым в тексте — термины в силу этого своего свойства однозначности (*univocatio*) могут суппонировать либо существующие во время говорения вещи (ограничение), либо относиться к прошлому или будущему (расширение). Кроме этого, оксфордская традиция отличается от парижской подчеркнутым вниманием к конкретным реальным вещам, рассматриваемым как основное и главное звено анализа смыслового и логического значений высказываний, а также тем, что представители оксфордского направления строили этот анализ на принципе контекстуальности значения терминов.

Представители парижского направления разработали положения о «*натуральной суппозиции*» (*naturalis*) — «*виртуальная*» суппозиция с нулевым контекстом, когда термин охватывает сразу всю область своих *возможных* референтов, этот тип суппозиции может также быть истолкован как референциальная, или предметная, «*вещная*», область слова, в отличие от области, охватываемой через смысловое значение, и контекстуальной суппози-

ции, ее называли *акцидентальной* (accidentalis), приписывался особый статус, как определяемой контекстом; кроме этого, они выделяли специальный тип суппозиции, который зависит от времени тем или иным способом. Однако в целом, «суппозиционный подход» не характерен для развития логики на континенте в период с 1270 по 1310 гг.⁷

На этапе становления теории суппозиции центральным понятием была не сама «суппозиция», а именно «именование» — как попытка разрешить возникающие сложности с определением онтологического статуса универсалий. С другой стороны, классификации самих свойств терминов концентрировались преимущественно вокруг субъект-терминов, то есть схоласты полагали, что определяющая роль в высказывании принадлежит субъекту, а предикат, согласно мнению Боэция,⁸ таков, каким ему позволяет быть субъект. Этот фактор опять же находится в полном соответствии с принципом «присущности» в предикации. Однако, как известно из ряда анонимных трактатов, терминисты предпочитали в качестве максимы правило, звучащее прямо противоположным образом: таковы субъекты, какими им позволяют быть предикаты.⁹

Здесь и обнаруживается одно из внутренних противоречий ранней теории свойств терминов. Если принять точку зрения Аристотеля и Боэция, что «сказываемое всегда больше¹⁰ того, о чем оно сказывается, или равно ему», как пишет Петр Испанский,¹¹ то в высказываниях типа «*Это есть Сократ*» или «*То белое есть Кориск*» поиск референтов субъект-терминов и, следовательно, верификация всего высказывания — дело весьма не простое, теория суппозиции в том виде, в котором она существовала на ранней стадии своего развития, тут бессильна. В самом деле, для определения суппозиции субъект-термина в этих примерах необходимо исходить из общей «предикато-центристской» максимы, а не из принципа «присущности», только тогда возможно сказать, что суппозиция — дискретна, в соответствии с тем, что понимается под «*тем белым*» и «*этим*» в зависимости от предиката.

Далее, если последовательно принимать предикацию в виде «присущности», то как тогда объяснить, к примеру, некоторые высказывания из области теологии типа «бог есть всемогущ», «бог есть справедливость» и тому подобные, ведь в них богу приписывается одно из его имен, которое никак не может быть отнесено к разряду больших или равных ему самому.

Когда предикация понимается как «присущность» того, что говорится в предикате, субъекту, неизбежно оказывается, что сам предикат трактуется интенционально — как обозначающий (указывающий) на нечто общее, субсистенцию или *quo est*, по терминологии Гильберта Порретанского, а субъект — по большей части — экстенционально. Получается, что в одном суждении могут быть соединены разноуровневые по смыслу слова — в дальнейшем они будут названы первичными и вторичными интенциями. В

такой ситуации отыскание их актуальных референтов необходимо упираться в представление того или иного человека об онтологическом статусе универсалий, и об объективности процедуры определения суппозиции термина, да и вообще об ее целесообразности, говорить не приходится.

Согласно Оккаму, «суппозиция есть свойство термина, которым он обладает только в высказывании». ¹² Оно присуще как субъект-, так и предикат- термину, и вообще, любому выражению, стоящему на месте субъекта или предиката высказывания. Суппозиция имеет место, когда одно ставится на место другого (там же), «то есть, если термин употреблен в высказывании так, что подразумевается некоторая вещь, и сам термин... может истинно сказываться об этой вещи, значит, этот термин суппонирует эту вещь, по крайней мере, если он сказывается о ней сигнификативно (significative accipitur)». ¹³

Вообще, если суппонирующий термин является субъектом высказывания, он суппонирует вещь (или вещь, называемую этим словом в данном конкретном случае), по отношению к которой он и есть субъект. Так, в высказывании «человек есть животное» утверждается, что, к примеру, Сократ есть животное, иначе говоря, высказывание «это есть животное», указывающее на Сократа, истинно. ¹⁴ Подобным же образом обстоит дело и с предикат- термином. ¹⁵

Итак, общее правило таково: термин, взятый сигнификативно, суппонирует некоторую вещь в высказывании тогда и только тогда, когда он может служить предикатом истинного высказывания, в котором субъектом будет термин, суппонирующий эту вещь.

Поскольку сигнификатом каждого термина, думал он, в являются реально существующие вещи, ¹⁶ постольку ни один термин не может обозначать нечто, обладающее иным онтологическим статусом, в сравнении с обозначаемым другим термином; и вообще, раз речь всегда идет о вещах, невозможно рассуждать об их форме и материи как о чем-то действительно, актуальным образом различном, потому что в реальности таких дистинкций в самих вещах нет. Следовательно, никакого «неравноправия» между субъект- и предикат- термином в высказывании быть не может, и предикация — это идентификация суппонируемого субъект-термином с суппонируемым предикат-термином, то есть в реальности это есть один предмет.

Если для Петра Испанского и Уильяма Шервуда в основании классификации суппозиции лежало свойство слова обозначать — как представление о форме вещи, то у Оккама обозначением слова всегда является реальная вещь, именно поэтому при определении самого понятия суппозиции он подчеркивает — «взятого сигнификативно». Иными словами, обычное обозначение, первичное нарицание — это сама вещь, некоторый реальный референт, а не представление о ней в разуме. Далее, поскольку представление

в разуме — это общий образ вещи, вещь вообще, не как реально существующая, но в большинстве случаев как вид, именно поэтому он выражается в языке общим термином. Но они тоже образуются из общих через присоединение других терминов или синкатегорематических слов), который вследствие этой своей «общности» является двусмысленным или однозначным. Устранением этих сложностей и призвана заниматься теория суппозиции в первом своем варианте.

Первым шагом Оккам выделяет сразу три типа суппозиций: *персональную, простую и материальную*. «Вообще говоря, персональная суппозиция имеет место, если термин суппонирует то, что он обозначает: либо некоторый предмет вне души, высказанное слово, интенцию души, написанное слово или любую другую вещь, которую можно вообразить. Так, во всех случаях, когда субъект или предикат высказывания суппонируют свой сигнификат, мы всегда имеем персональную суппозицию».¹⁷

Из данного перечисления ясно, что в форме персональной суппозиции могут стоять практически любые термины: мысленные и условные (высказанные или написанные), абстрактные и конкретные, абсолютные и коннотативные, а также имена первичного и вторичного нарицания наряду с именами первичных и вторичных интенций. Важно лишь, чтобы термин был употреблен в соответствии со своим обозначением, то есть обозначал концепт, к «сфере» которого отнесен данный суппонируемый референт. Следует обратить особое внимание на тот факт, что само слово может обозначать как реальную вещь — то есть существующую реально вне души, так и интенцию души (если это имя вторичного нарицания или интенции) в качестве своего «нормального» обозначения. С другой стороны, Оккам в этом определении выделил только имена *первичных* («некоторый предмет вне души») и *вторичных* («интенцию души») интенций и явные случаи не-сигнификативного употребления терминов.

Далее Оккам приводит примеры на каждый из перечисленных им вариантов персональной суппозиции. В высказывании «*каждый человек есть животное*» слово суппонирует свои сигнификаты, потому что это слово в данном случае «не употреблено для обозначения чего-либо иного, чем людей. Оно не обозначает нечто общее для них всех, ... но именно людей самих по себе».¹⁸ В высказывании «*каждое высказанное имя (nomen vocale) есть одна из частей речи*» слово «*имя*» суппонирует только высказанные слова, и так как оно употреблено для обозначения высказанных слов, оно суппонирует персонально. В высказываниях «*каждый вид есть универсалия*» и «*каждая интенция души существует в душе*» субъект-термины суппонирует персонально, потому что в обоих случаях они суппонируют вещи, которые они предназначены обозначать. В высказывании «*каждое написанное выражение (dictio) есть выражение*» субъект-термин суппонирует вещи, которые он обозначает — написанные слова, следовательно, он

суппонирует персонально.¹⁹ Эти примеры иллюстрируют в некотором смысле специфические случаи персональной суппозиции, а именно, новшество Оккама — персональная суппозиция — это не просто суппонирувание термином соответствующего реального предмета, но употребление данного термина связи с его «*нормальным*» обозначением, то есть для обозначения того, что он «*предназначен обозначать*».

Таким образом, Оккам отводит свойству обозначения определяющую роль в процессе квалификации суппозиции термина: по крайней мере, персональная суппозиция оказывается в тесной зависимости от него. Иными словами, Оккам полагает, что каждое слово имеет некоторый базисный смысл (или смыслы — если это слово двусмысленно), по отношению к которому и производится поиск актуальных референтов, то есть квалифицируется суппозиция. Кроме этого, особенность подхода Оккама заключается еще и в том, что это первоначальное значение слова вовсе не обязательно указывает на реальные вещи; именно поэтому при перечислении возможных случаев персональной суппозиции Оккам обращает внимание на примеры с именами вторичного нарицания и именами интенций.

Термин «*человек*», будучи общим термином, обозначает, согласно Оккаму, «много вещей; однако поскольку он не обозначает много вещей, не являющихся людьми, он должен обозначать много людей. Это следует понимать таким образом, что ничто другое, кроме людей, обозначаться этим термином не может, и он обозначает одного человека не более, чем другого»²⁰. Важная черта этого отношения — его дискретность, то есть «распределенность» между всеми обозначаемыми предметами. Иными словами, обозначение — это не есть что-то одно, но ряд актов «соответствия» между словом и каждым из обозначаемых им предметов, сигнификатов.

Теперь нетрудно заметить, что персональная суппозиция есть не что иное как выделение одного из таких действий на основании актуального контекста высказывания, следовательно, это только один из возможных случаев обозначения данного слова; если представить себе целый ряд высказываний с субъект- термином «*человек*» таких, что каждый раз референтом субъект- термина будет другой человек (или одно и то же высказывание, но относящееся каждый раз к другому референту), то область обозначения термина «*человек*» будет полностью исчерпана. Для высказываний типа «*интенция души существует в душе*» и другими, в которых речь не идет о реальных объектах, но о мыслимых, решение Оккама таково: поскольку мыслимые объекты не существуют *реально* вне души, такие высказывания верифицируются относительно этих объектов как существующих в душе человека, в частности, в качестве концептов.

Простая суппозиция для Оккама — это «когда термин суппонирует интенцию души и не употреблен сигнификативно».²¹ Например, пишет он да-

лее, в высказывании «человек есть вид» термин «человек» суппонирует интенцию души, то есть сам концепт вида «человек».

Поскольку Петр Испанский считал, что вид — это и есть первичный сигнификат термина, то есть его обычное обозначаемое, то простая суппозиция для него есть суппозиция термином такого первичного сигнификата. В свою очередь, у него — а также Шервуда, Бурлея и ряда других схоластов — именно простая, а не персональная, как у Оккама, суппозиция оказывается наиболее близкой к обозначению. Аналогично Шервуду, Бурлей пишет, что в высказывании «человек есть вид» субъект-термин имеет абсолютную простую суппозицию, а в «человек есть совершеннейшее из творений» — простую с отношением к своим индивидам (*suppositis*).²²

«Материальная суппозиция имеет место, когда термин не суппонирует сигнификативно, но суппонирует высказанное или написанное слово».²³ Далее Оккам приводит обычные для этой ситуации примеры: «человек есть имя» и «человек» есть написанное слово», где суппозиция субъект- термина *материальная*.

В форме материальной суппозиции может стоять любой термин, выполняющий функции субъекта или предиката высказывания, то есть не только категорематический, но и синкатегорематический, а также вообще представляющий собой отдельный звук или слог, наподобие восклицания. Кроме этого, материальная суппозиция бывает не только у высказанных слов, но и написанных, некоторых элементов мысленного языка, независимо от того, являются ли они целыми высказываниями, частями высказываний, простыми или сложными выражениями.²⁴

Исследуя применительно к ошибкам в рассуждениях имена «вторичного нарицания» (имена имен) и их отличия от имен первичного нарицания, таких, как, например, «человек», которые сами по себе не обозначают имена, Оккам ограничивает область определения материальной суппозиции, вводя правило следующего содержания: термин в высказывании может иметь материальную или персональную суппозицию, если это термин первичного нарицания, на него не действует общий или частный знак и он связан с термином вторичного нарицания.²⁵ В соответствии с этим правилом высказывание «*имя есть часть речи*» суппозиция субъект-термина не может быть квалифицирована как материальная, но персональная.

Оккам считает, что любой термин в высказывании может стоять в форме персональной суппозиции, за исключением тех случаев, когда волей говорящего он отнесен (*arctetur*) к другому типу. Аналогичным образом двусмысленный термин в любом высказывании суппонирует один из своих сигнификатов, если по намерению использующего его он не отнесен к определенному сигнификату.²⁶ Термин может иметь простую или материальную суппозицию не в любом высказывании, но только в таком, где он связан с другим экстремумом, представляющим интенцию души, написанное

слово или высказанное. Например, в высказывании «человек бежит» слово «человек» не может стоять в форме простой или материальной суппозиции, потому что «бежит» не относится ни к интенции души, ни к написанному, ни к высказанному слову. «Вид» в высказывании «человек есть вид» обозначает интенцию души, поэтому субъект-термин в данном случае имеет простую суппозицию. Если допустить, что суппозиция здесь персональная, то все высказывание будет ложно, так как в нем говорится, что некоторая вещь, обозначаемая словом «человек» есть вид, а когда суппозиция субъект-термина квалифицируется как простая, оно истинно. В этом месте Оккам поясняет, что если не выделять эти два типа суппозиции применительно к последнему примеру, мы не сможем различить между вторым и третьим типом двусмысленности термина «человек».

Подобным же образом следует различать случаи, когда термин в высказывании связан с другим экстремумом, относящимся к написанному или высказанному слову. Здесь задействована дистинкция между персональной и материальной суппозициями. Например, если в высказывании «Отцовство» (*paternitas*) обозначает Отца» суппозицию субъект-термина рассматривать как материальную, то оно истинно, а если как персональную, то — ложно, поскольку отцовство есть свойство Отца и сам Отец.²⁷

Итак, общие правила, приводимые Оккамом в «Сумме логики», таковы: (1) «если термин в высказывании может иметь один из рассмотренных трех типов суппозиции, в зависимости от другого экстремума (*potens habere praedictam triplicem suppositionem comparatur extremo...*), общего для простых и сложных выражений, высказанных и написанных, то он всегда имеет либо персональную, либо материальную суппозицию. И соответственно этому следует различать высказывания. (2) Если же термин связан с другим экстремумом, обозначающим интенцию души, то следует различать, что он может иметь простую или персональную суппозиции. (3) Когда термин связан с экстремумом, общим для этих всех, тогда он может иметь персональную, простую и материальную. Так, следует различать, например, в «Человек сказывается о многом». Если «человек» имеет персональную суппозицию, все высказывание — ложно на том основании, что тогда утверждалось бы, некоторая вещь, обозначаемая термином «человек», сказывается о многом. Однако когда «человек» стоит в форме простой по отношению к высказанным или написанным словам или материальной суппозиции, высказывание истинно, потому что соответственно как общая интенция, так и само слово, высказанное или написанное, оба сказываются о многом».²⁸ В трактате *Expositio elenchorum* Оккам формулирует следующие правила: (2') «...если имя первичной интенции является одним из экстремумов высказывания и другой экстремум есть имя вторичной интенции, такое высказывание должно рассматриваться так, что имя первичной интенции может суппонировать просто или персонально только в том случае,

если к имени первичной интенции не присоединен общий или частный знак. (2'') Когда имя первичного нарицания, на которое не действует общий или частный знак, является одним из экстремумов высказывания и другой экстремум есть имя вторичного нарицания, такое высказывание должно рассматриваться так, что имя первичного нарицания может суппонировать персонально или материально. Всякое высказывание, в котором употреблено имя первичного нарицания должно рассматриваться в соответствии с этим правилом только в том случае, если другой экстремум является именем вторичной интенции или вторичного нарицания».²⁹ Правила, аналогичные (2') и (2'') встречаются также и в «Сумме логики», в трактате *De Fallaciis*: «Если один экстремум в высказывании есть имя первичной интенции, употребленный без общего или частного знака, а другой экстремум есть имя вторичной интенции данное высказывание должно рассматриваться по третьему типу двусмысленности, когда имя первичной интенции может суппонировать просто или персонально...»³⁰

Согласно пункту (3), при квалификации суппозиции вполне возможна ситуация, когда с одинаковой вероятностью термину могут быть приписаны все три типа. Рассуждая о квалификации суппозиции термина, Оккам объясняет не то, как можно выяснить тип суппозиции окончательным образом, но то, как следует различать сами высказывания по их логическому значению в зависимости от того, как можно квалифицировать суппозицию. Это означает, что процедура определения типа суппозиции, по версии Оккама, не есть некоторый конечный процесс в смысле получения типа суппозиции экстремума в качестве результата, но анализ высказывания особого сорта на основе тесной связи семантики терминов и логического значения высказывания в целом: тип суппозиции не является однажды и навсегда определенной формой референции данного термина в данном высказывании, но представляет собой перебор возможных вариантов типов суппозиций (в соответствии с предлагаемыми Оккамом правилами), которые одновременно становятся вариантами логического значения высказывания.³¹

Различия между именами первичного и вторичного нарицания и, скорее всего, первичных и вторичных интенций, не относятся, по мнению Оккама, к терминам мысленного языка, все эти факты служат подтверждением тезиса о том, что материальная суппозиция как терминов-имен первичного нарицания по отношению к именам вторичного нарицания — имеет место только в языке устном и письменном, но не мысленном, и аналогично для простой суппозиции — с терминами-именами первичных и вторичных интенций. Несомненно, здесь мы сталкиваемся с одним из сложных моментов оккамовской теории суппозиции: если придерживаться положения об особенностях «областей определения» простой и материальной суппозиций, то в мысленном языке имеет место только персональная суппозиция и ее подтипы, что означает отсутствие целого ряда амбивалентностей в нем.³²

Если первые три типа суппозиции основываются на том, каковы референты данного термина, к какому типу вещей они относятся (реальным вещам, концептам или условным знакам), то персональная суппозиция и ее подтипы рассматриваются Оккамом в качестве возможных способов указания на реальный объект или совокупность объектов, т.е. способов, существенных для определения логического значения высказывания и, как конечная цель, методики операций с простыми категорическими суждениями.

Персональная суппозиция может быть *дискретная* (*discreta*) и *общая* (*communis*). Термин в высказывании стоит в форме дискретной суппозиции, когда этот термин является именем собственным или указательным местоимением, употребленным сигнификативно. Например, субъект-термин в «*Сократ есть человек*» и «*Этот человек есть человек*» суппонирует дискретно.³³ *Дискретная суппозиция* имеет место, если данный термин является не общим, а единичным — либо как имя собственное, либо каким-то другим способом, позволяющим неамбивалентно идентифицировать конкретный референт, например, через указательное местоимение. Очевидно, что в высказывании «*Это есть человек*», сопровождающемся оstenсивным указанием на объект, единственно подразумеваемый в данном случае, термин «*это*» стоит в форме дискретной суппозиции, которую можно рассматривать как единичную персональную суппозицию, представленную монореферентным термином.

В отличие от этого, персональная суппозиция общего термина называется *общей суппозицией* (*communis*). Например, суппозиция субъект-термина в высказываниях «*Человек бежит*» и «*Каждый человек есть животное*».

Общая персональная суппозиция, в свою очередь, подразделяется на *смешанную* (*confusa*) и *определенную* (*determinata*) суппозиции. Общий термин стоит в форме определенной суппозиции, когда возможно под ним вывести ряд единичных терминов через дизъюнкцию. Так, из «*Человек бежит*» следует «*Этот человек бежит или тот человек бежит и т.д. для всех остальных*». Этот тип суппозиции называется определенной потому, что высказывание, содержащее определенно суппонирующий термин, истинно, «если сказываемое в нем истинно относительно какого-либо определенного единичного предмета; этого единичного предмета самого по себе достаточно для того, чтобы все высказывание было истинным».³⁴ То есть для истинности высказывания «*Человек бежит*» достаточно, чтобы хотя бы одно из соответствующих единичных высказываний было истинным. Поэтому правило (O1) для определенной суппозиции таково:

Общий термин стоит в форме определенной суппозиции, если (O1') под ним возможно вывести ряд высказываний с единичным термином на место общего термина через дизъюнкцию, и (O1'') когда первоначальное высказывание следует из любого из полученных единичных высказываний.

Например, в высказывании «*Человек есть животное*» оба экстремума имеют определенную суппозицию, потому что «*Человек есть животное, следовательно, этот человек есть животное, или тот человек есть животное и т.д. для остальных*». Обратное так же имеет место: «*Этот человек есть животное, следовательно, (некоторый) человек есть животное*». Аналогично и для предикат-термина: «*Человек есть животное, следовательно, человек есть это животное, или человек есть то животное, и т.д. для остальных*». Очевидно, что «человек есть это животное, следовательно, человек есть (некоторое) животное».³⁵

Как и для других типов суппозиций, для определенной Оккам предлагает два сорта правил: идентификационные с точки зрения сведения к единичным терминам, как правило (O1), а также характеризующие термин некоторым способом, достаточным для квалификации его суппозиции как определенной. Итак, правила для определенной суппозиции таковы:

(O2) Если в категорическом высказывании общий термин не подпадает (O2') под действие универсального знака, распределяющего весь экстремум, ни прямо, ни опосредованно; а также если (O2'') на него не действует знак отрицания, этот термин стоит в форме определенной суппозиции.³⁶

Термин считается стоящим в форме персональной смешанной суппозиции, если он суппонирует персонально, но не определенно. Смешанная суппозиция бывает двух типов: *только смешанная* (далее — смешанная) и *смешанная дистрибутивная* (далее — дистрибутивная).

(C1) Смешанная суппозиция имеет место, если общий термин суппонирует персонально и если (C1') невозможно при неизменном другом экстремуме вывести под ним единичные высказывания через дизъюнкцию, однако возможно вывести высказывание с дизъюнкцией в предикате и (C1'') исходное высказывание следует из любого из полученного единичного высказывания.³⁷

Например, в высказывании «*Каждый человек есть животное*» термин «*животное*» суппонирует смешанно, потому что под ним невыводимы соответствующие единичные высказывания, то есть не следует: «*Каждый человек есть животное, следовательно, каждый человек есть это животное, или каждый человек есть то животное, и т.д. для остальных*». Тем не менее, можно вывести высказывание с дизъюнкцией в предикате: «*...следовательно, каждый человек есть это животное, или то животное и т.д.*». Консеквент в данном случае представляет из себя категорическое высказывание, состоящее из субъекта «*человек*» и дизъюнктивного предиката «*это животное или то животное или...*»

(D1) Общий термин стоит в *дистрибутивной суппозиции*, если (D1') под ним можно вывести тем или иным способом ряд единичных высказываний через конъюнкцию (то есть выведенные, они будут истинными), од-

нако (Д1") обратный переход, от полученных единичных к первоначальному общему невозможен.³⁸

Например, субъект-термин высказывания (С) «*Каждый человек есть животное*» суппонирует дистрибутивно, поскольку имеет место следующая импликация: «*Каждый человек есть животное, следовательно, этот человек есть животное, и тот человек есть животное, и т.д. для остальных*», но не обратная ей: «*Этот человек есть животное (неважно при этом, какой из них имеется в виду), следовательно, каждый человек есть животное*».³⁹

Следует отметить, пишет далее Оккам, что в правиле (Д1) слова «тем или иным способом» присутствуют неслучайно, так как на самом деле выведение единичных высказываний не всегда возможно одним и тем же способом. Иногда можно вывести такие высказывание, только заменив соответствующий общий термин на единичные, при этом высказывание в остальном остается неизменным, как в примере выше. В других же случаях можно вывести единичные высказывания, лишь с некоторыми изменениями слов, не являющихся ни общим термином, ни частью его, то есть в данной ситуации эти слова имеются в одном из высказываний, но отсутствуют в другом. Например, в (D) «*Каждый человек, кроме Сократа, бежит*» можно вывести соответствующие единичные высказывания: «*...следовательно, Платон бежит, и Цицерон бежит, и т.д. для остальных*». Однако в полученных единичных высказываниях отсутствуют слова «*кроме Сократа*», хотя они есть в исходном высказывании. В то же время это словосочетание не является ни общим термином, ни знаком, его распределяющим, но исключаящим выражением. Таким образом, единичные высказывания под субъект-терминами в (С) и (D) выводятся разными способами, и в результате сами полученные единичные высказывания соответственно различны. Случай, иллюстрируемый примером (D) (имеется в виду субъект-термин) называется *смешанной дистрибутивной подвижной (mobile) суппозицией* (далее — *подвижная*), примером (С) — *смешанной дистрибутивной неподвижной (immobile, далее — неподвижная)*.⁴⁰ Иными словами, имеет место такое правило:

(ДН1) Общий термин стоит в *неподвижной суппозиции*, если под ним можно вывести единичные высказывания, произведя дополнительные изменения, кроме замены общего термина на единичный.

Как правило, неподвижная суппозиция термина встречается, когда мы имеем дело с так называемыми исключаящими высказываниями (*propositio exsertiva*), то есть такими, где есть слова типа «*кроме*», «*за исключением*». Субъект-термин такого высказывания всегда стоит в неподвижной суппозиции, как в (С).

(ДП1) Субъект любого общеутвердительного или общеотрицательного высказывания, если оно не содержит ни исключающих, ни выделяющих слов (*quae non est exclusiva nec exsertiva*), суппонирует *подвижно*.

Например, субъект-термин в высказываниях «*Каждый человек бежит*» и «*Ни один человек не бежит*». ⁴¹

(ДП2) В любом общеотрицательном высказывании, не содержащем исключающих слов, предикат суппонирует *дистрибутивно*. ⁴²

(ДП3) Если высказывание отрицательное (то есть знак отрицания стоит перед предикатом), то предикат суппонирует *дистрибутивно*.

Например, в «*Человек не есть животное*» слово «*животное*» стоит в дистрибутивной суппозиции, а «*человек*» — в определенной. ⁴³

(ДП4) Термин, стоящий в высказывании непосредственно за глаголами «*отличаться*», «*различать*», их грамматическими производными, а также выражением «*в отличие от*», или любыми выражениями- синонимами этих слов, суппонирует *дистрибутивно*.

Так, имеет место следующая импликация: «*Сократ отличается от человека, следовательно, Сократ отличается от этого человека (любого)*».

Оккам поясняет, что эти правила действуют только в том случае, если в высказывании имеются упомянутые выражения (как в правиле (ДП4)), содержащие в себе отрицание, или высказывание отрицательное. Если бы термин суппонировал дистрибутивно в высказывании без них, то в высказываниях, где они содержатся, он стоял бы в определенной суппозиции. Например, в «*Сократ есть каждый человек*» предикат-термин суппонирует дистрибутивно, а если поставить знак отрицания перед ним, то он будет стоять в определенной суппозиции: «*Сократ не является каждым человеком*» (потому что того, что Сократ не есть этот человек, вполне достаточно для «*Сократ не есть каждый человек*»).

(Д3) Универсальный и отрицательный знаки (а также выражения, им синонимичные) ставят термин в дистрибутивную суппозицию, однако для отрицания следует заметить, что термин не всегда будет суппонировать подвижно. Например, если в утвердительном высказывании имеется выражения исключения — в этом случае не субъект, но предикат суппонирует дистрибутивно. В случае же с исключающим выражением в отрицательном высказывании, когда исключающее выражение стоит в субъекте, как субъект, так и предикат стоят в дистрибутивной суппозиции. ⁴⁴

Теория суппозиций Оккама представляет собой тему оживленных дискуссий современных исследователей средневековой логики на протяжении ряда последних десятилетий. Суть проблемы заключается в следующем: *во-первых*, каким образом эта теория может быть переформулирована (и/или формализована) в терминах современной логики (начиная с работ «первооткрывателя» оккамовского философского наследия Филотея Бюнера; ⁴⁵ Гарета Мэтьюза; ⁴⁶ попытки формализации и введения дополнительных

правил Дж.Свиниарски;⁴⁷ Грэхемом Пристом и Стефеном Ридом;⁴⁸ и др.); *во-вторых*, что вообще она из себя представляет, какое место ей следует отвести в рамках оккамовской логики, какую цель преследовал сам Оккам, излагая учение о типах персональной суппозиции (Гарет Метьюз,⁴⁹ Десмонд П.Генри,⁵⁰ М.Люкс,⁵¹ Альфред И.Фреддозо⁵² и др.).

Большинство современных исследователей придерживается одной из следующих интерпретаций теории суппозиций Оккама:

1. Сведение общих терминов единичным (само по себе или в качестве учения о выводе). Несмотря на то, что по ходу изложения ТПС в первой части «Суммы логики» рассматриваются традиционные высказывания типа А, Е, I, О наряду с единичными и неопределенными и некоторыми другими, тем не менее, этот анализ не может быть признан исчерпывающим. Так, более тщательного исследования заслуживают высказывания с глаголами, подразумевающими отрицание, высказывания со словами «*начинает*» и «*перестает*», а также неподвижная суппозиция как особый вариант выведения единичных высказываний.

С другой стороны, возможно, некоторые шаги деления не являются необходимыми для выведения единичных высказываний под общим термином, так считают, например, Питер Т.Гич,⁵³ Дж.Свиниарски,⁵⁴ Мэрилин М.Адамс,⁵⁵ но одновременно требуются дополнительные правила для ряда высказываний. Так, выделение в качестве особого типа смешанной суппозиции нужно только для тех случаев, когда выведение единичных высказываний под общим термином невозможно.

Современные исследователи предлагают для таких случаев, чтобы избежать «блокировки» выведения единичных терминов под данным термином (стоящим в смешанной суппозиции) ввести дополнительные правила.⁵⁶

2. Теории квантификации, как семантика кванторов всеобщности и существования и правила их введения и удаления (например, Ф.Бюнер, Г. Прист и С.Рид и др.) В соответствии с такой трактовкой,⁵⁷ субъект и предикат в традиционных А, Е, I, и О высказываниях оба квантифицированы явным или неявным образом. С помощью правил, предлагаемых Оккамом, можно построить «*равносильности*» — определения кванторов, как для традиционных А, Е, I, О высказываний, так и для других форм.

Однако такая интерпретация имеет, по крайней мере, три достаточно сильных возражения.⁵⁸ *Во-первых*, Оккам, приводя свои правила «вывода» в рамках учения о персональной суппозиции, *нигде* в «Сумме логики» не пишет, что высказывания, полученные по этим правилам, равносильны исходным (равносильные суждения рассматриваются им в силлогистике),⁵⁹ по той причине, что они и в самом деле не являются равносильными. Излагая свои правила Оккам каждый раз говорит исключительно о том, какое высказывание (или несколько высказываний) следуют из данного, и можно ли из полученного умозаключать к исходному (как, в частности, в случаях

определенной и смешанной суппозиции). В случае дистрибутивной суппозиции он специально оговаривает, что невозможно вывести первоначальное высказывание ни из одного из полученных единичных (правда, его можно вывести из конъюнкции *всех* единичных).

3. Теория типов персональной суппозиции как концепция условий истинности простых категорических суждений. Эта интерпретация имеет возражения следующего характера. *Во-первых*, Оккам не рассматривает высказывания выведения единичных терминов под общим как высказывания, в которых правая часть равносильна левой, поэтому они вряд ли могут служить условиями истинности; *во-вторых*, эти условия истинности — их правые части — представляли бы собой бесконечно длинные высказывания, и как следствие, не могли бы быть практически использованы в качестве таковых.⁶⁰ *В-третьих*, во второй части «Суммы логики» Оккам обстоятельно исследует условия истинности высказываний различных форм, основываясь при этом на суппозициях терминов этих высказываний. Но действованными оказываются только материальная, простая и персональная суппозиции, но не типы персональной.⁶¹

4. Ряд современных исследователей полагают (Кэльвин Н.Нормор, Альфред И.Фреддозо,⁶² частично Мэрилин М.Адамс,⁶³ Элизабет Каргер,⁶⁴ Нэд Маркозиан⁶⁵) что создавая ТПС, Оккам предлагает вниманию читателя своеобразную теорию вывода, то есть правила операций с простыми категорическими суждениями.⁶⁶ Однако эта попытка оказалась неудачной, как показал Н.Маркозиан⁶⁷, спустя несколько лет после статьи Э.Каргер. Его вывод таков: ТПС — это особая средневековая парадигма, в единую строгую теорию системного характера средствами современной логики заведомо не трансформируемая. Для того, чтобы окончательно определить место и значение ТПС, необходимо, как минимум, начать рассматривать обсуждаемые понятия в качестве реальных языковых сущностей, исследование которых представляет интерес само по себе.

5. Теория для решения софизмов и элиминации ошибок в высказываниях. Данная интерпретация представляется наиболее адекватной. *Во-первых*, ТС может быть использована в качестве «детектора» ОР независимо от типа умозаключения: импликация это или силлогизм, обращение простого категорического суждения или умозаключение по логическому квадрату, непосредственное умозаключение или энтимема; *во-вторых*, при формулировании самих правил элиминации ошибок в высказываниях имеет значение не только указание на неприемлемость умозаключения от высказывания с одним типом суппозиции к высказыванию с другим типом суппозиции того же термина, но и местоположение этого термина.

Теория суппозиции Оккама явилась кульминационной и вместе с тем завершающей стадией в развитии теорий свойств терминов. Основания, на которых Оккам строит свою теорию (в качестве главных здесь выступают:

а) существование особого мысленного языка; б) концептуализм в вопросе об универсалиях, что позволяет ему не только возродить изрядно устаревшую к началу XIV века концепцию, но и значительно расширить сферу ее приложения, распространив ее действие не только на традиционные *artes liberales*, но и на области, ранее ей «недоступные», такие, как богословие и фундаментальные принципы мироздания. Завершающей его система стала потому, что именно те положения, что дали возможность вдохнуть новый жизненный импульс в устаревшую конструкцию, явились предпосылками ее постепенного исчезновения. Как было показано ранее, строгость и стройность теории суппозиции Оккама, казавшаяся таковой поначалу, в руках самого Оккама и его ближайших последователей — Бурридана, Марсилия Ингенского, Павла Венецианского и др. — на деле содержала претензию на полноту системы непосредственного вывода, однако таковой не была, как и не была теорией квантификации. Многочисленные недоразумения оккамовской теории вдохновляли его последователей на новые, порой весьма оригинальные, усовершенствования. Некоторые из этих нововведений и в самом деле заслуживают того, чтобы быть исследованными. Например, предложенные Павлом из Пергулы правила идентификации простой и материальной суппозиций⁶⁸ и ряд других. Тем не менее, все эти усовершенствования представляют собой лишь попытки достроить систему, базирующуюся на принципах, теоретически исчерпавших себя к концу эпохи Средних Веков. Следующим шагом в развитии теории суппозиции должно было быть создание формализованного языка, и соответственно, формализованной системы, предполагающих качественно иные постулаты, чем особенности средневекового дискурса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Средневековыми логиками используется предлог *ex*, при этом имеется в виду, что каждому общему термину подчинены — *ex superiorio ad inferioribus* — соответствующие единичные

² Под термином средневековые ученые в большинстве случаев понимали субъект и предикат высказывания, однако часто термином назывались просто составные части высказывания, обладающие самостоятельным статусом, то есть могущие служить терминами сами по себе; например, глагол-связка — тоже термин, а также словосочетание, выступающее в роли субъекта или предиката высказывания, но не знак отрицания или квантор. Понятия «квантор» в строгом смысле этого слова в средневековье не было; логики оперируют термином «знак», например, знак всеобщности, функции которого выполняют особого типа слова «*omnis*», «*qualelibet*» и др., частный знак — «*aliquis*», а также знаки отрицания.

³См: CH, p.18

⁴См. напр.: CH, p.174-187; Pinborg Jan. Some Syntactical Concepts in Medieval Grammar. in «Medieval Semantics» ed. by S. Ebbesen London, 1984, p.26; Ebbesen S. OXYNAT: A Theory about the Origins of British Logic. in The Rise of British Logic. Ed. by P.O. Lewry, O.P. Papers in Medieval Studies 7, Toronto, 1985, pp.1-17.

⁵См: Ebbesen S. OXYNAT: A Theory about the Origins of British Logic. in The Rise of British Logic. Ed. by P.O. Lewry, O.P. Papers in Medieval Studies 7, Toronto, 1985, pp.9-11

⁶LM, Vol.1, p.562

⁷См: Ebbesen S. Early Supposition Theory (12th-13th centuries). in Histoire, Epistemologie, Langage 3, fasc.1, 1983, p.44-45.

⁸См: Бозний. Комментарий к Порфирию// Утешение философией и другие трактаты. М., 1990, с.154-155

⁹LM, Vol.2, p.206

¹⁰то есть относящееся к более общему, расположенное выше по дереву Порфирия

¹¹См: Peter of Spain. Tractatus Afterwards Called *Summule Logicales*. Ed.by L.M.De Rijk. Assen, 1972, p.84

¹²Там же, p.193

¹³Там же, p.193

¹⁴См: там же, p.194

¹⁵См: там же, p.194

¹⁶SL, p.62

¹⁷SL, p.195

¹⁸Там же, p.195

¹⁹См: там же, p.195

²⁰SL, p.96

²¹Там же, p.196

²²Gualterius Burlaeus. De Puritate Artis Logicae Tractatus Longior with a revision of the Tractatus Brevior. Ed. Ph. Boehner, Louvain-Padeborn 1955, p.11

²³Там же, pp.196-197

²⁴См: там же, pp.205-206

²⁵См: там же, p.761

²⁶SL, p.197

²⁷Там же, p.198

²⁸Там же, p.199

²⁹Там же, p.26

³⁰Там же, p.760

³¹Там же, p.198

³²Spade P.V. Ockham's Rule of supposition: Two Conflicts in His Theory// Vivarium, XII, I (1974) Leiden, p.66

³³См: SL, p.209

³⁴SL, p.210

³⁵Там же, p.210

³⁶Там же, pp.212-213

³⁷См: там же, p.211

³⁸См: там же, p.211

³⁹См: там же, p.211

⁴⁰См: там же, p.212

⁴¹См: там же, p.228

⁴²См: там же, p.229

⁴³См: там же, p.229

⁴⁴См: там же, p.230

⁴⁵См: Boehner Philotheus. *Medieval Logic*. Manchester 1952; Boehner Philotheus. A medieval Theory of Supposition// *Franciscan Studies*, vol.18, 1958, 240-289.

⁴⁶См: Matthews Gareth. Ockham's Supposition Theory and Modern Logic// *Philosophical Review* 73 (1964), pp.91-99; Ockham, Guilielmis de Quodlibetal Questions. vols.1-2, transl. Alfred J. Freddoso & Francis E. Kelley, Yale University Press 1991; Matthews Gareth. A Note on Ockham's Theory of the Modes of Common Personal Supposition// *Franciscan Studies*, vol.44, XXII, 1984, St.Bonaventure, NY, pp.81-87,

⁴⁷См: Concoran John and Swiniarsky John. Logical Structures of Ockham's Theory of Supposition. *Franciscan Studies* 38 (1978), pp.161-183; Swiniarsky John. A New presentation of Ockham's Theory of Supposition. *Franciscan Studies* 30 (1970), pp.181-217; Swiniarsky John and Fitzgerald Michael J. Ockham's Implicit Priority of Analysis Rule. *Franciscan Studies* 38 (1978), pp.213-219.

⁴⁸См: Priest Graham and Read Stephen. Merely Confused Supposition. *Franciscan Studies* 40, 1980, pp.165-97.

⁴⁹См: Matthews Gareth. A Note on Ockham's Theory of the Modes of Common Personal Supposition// *Franciscan Studies*, vol.44, XXII, 1984, St.Bonaventure, NY, pp.81-87

⁵⁰См: Henry D.P. *Medieval Logic and Metaphysics*. London 1972

⁵¹См: Loux M.J. Ockham on generality. in by Loux transl. Ockham's Theory of Terms. Part I of the *Summa Logicae*. University of Notre Dame Press 1974

⁵²Freddoso, Alfred J. Ockham's Theory of Truth Conditions. in Ockham's Theory of Propositions. Part II of the *Summa Logicae*. Ed&transl. by Alfred J. Freddoso, H.Shuurman. University of Notre Dame Press, 1980.

⁵³См: Geach P.T. *Reference and Generality*. London 1962

⁵⁴См: Swiniarsky John. A New presentation of Ockham's Theory of Supposition. *Franciscan Studies* 30 (1970), pp.181-217

⁵⁵См: McCord Adams, M. *William Ockham*, vol.1, University of Notre Dame Press, 1987.

⁵⁶McCord Adams, M. *William Ockham*, vol.1, University of Notre Dame Press, 1987, p.361

⁵⁷McCord Adams, M. *William Ockham*, vol.1, University of Notre Dame Press, 1987, pp.367-377; Matthews Gareth. A Note on Ockham's Theory of the Modes of Common Personal Supposition// *Franciscan Studies*, 81-87, vol.44, XXII, 1984, St.Bonaventure, NY, pp.81-87

⁵⁸См: Matthews Gareth. A Note on Ockham's Theory of the Modes of Common Personal Supposition. *Franciscan Studies*, vol.44, XXII, 1984, St.Bonaventure, NY, p.82-83

⁵⁹См: Spade P.V. Priority of Analysis Rule and the Predicates of O-form Sentences. *Franciscan Studies* 36 (1976), pp.265.

⁶⁰См: Freddoso, Alfred J. Ockham's Theory of Truth Conditions// Ockham's Theory of Propositions. Part II of the Summa Logicae. Ed&transl. by Alfred J. Freddoso, H. Shuurman. University of Notre Dame Press, 1980

⁶¹См: там же.

⁶²См: там же;

⁶³См: McCord Adams, M. William Ockham, vol.1, University of Notre Dame Press, 1987.

⁶⁴Ebbesen S. The Semantics of the Trinity According to Stephen langton and Andrew Suenesen// J.Jolivet et A. de Libera ed. Gilbert de Poitiers et ses Contemporains. Napoli 1987.

⁶⁵Markosian Ned. On Ockham's Supposition Theory and Karger's Rule of Inference// Franciscan Studies, vol.48, XXVI, 1988, St.Bonaventure, NY, pp.40-53,

⁶⁶См: Karger Elisabeth. Modes of Personal Supposition. The purpose and Usefulness of the Doctrine within Ockham's logic// Franciscan Studies, vol. 44, XXII, St.Bonaventure, NY, 1984, pp.87-107,

⁶⁷См: там же, p.52

⁶⁸См. P.V.Spade. Ockham's Rule of Supposition: Two Conflicts in His Theory\\ Vivarium, XII, I 1974, Leiden, pp.63-73